

— Юань-эр, что с тобой? Нездоровится? — Цюй Луныцзюнь обеспокоенно шагнул вперед, пытаясь коснуться его лба.

Цин И отмахнулся, поднялся и сухо бросил:

— Я ухожу.

— Что?.. Что ты сказал? — опешил принц.

— Я сказал, что ухожу! — отчеканил Цин И. — И больше сюда не вернусь.

С этими словами он повернулся к двери.

Цюй Луныцзюнь опомнился и мертвой хваткой вцепился в его руку.

— Мы едва встретились, зачем ты снова это говоришь? Если ты хотел сделать мне больно, то у тебя получилось. Растерзал в клочья! Если тебе нужно мучить меня, чтобы успокоить свое сердце, я приму любую кару. Только не произноси этого слова — «ухожу». Эти три дня я не находил себе места от тревоги, бредил тобой по ночам. Меня душили раскаяние и боль. И лишь когда донесли, что ты благополучно покинул дворец, я наконец смог вздохнуть. Теперь, когда мы снова вместе, я ни за что тебя не отпущу!

Не обращая внимания на сопротивление, принц сжал Цин И в удушающих объятиях. Надрывное, полное боли признание — вот только адресат был совсем не тот.

Да уж, это хилое тело явно не годилось для силового противостояния. Цин И с тоской вспомнил свои рельефные шесть кубиков пресса. Объятия Цюй Луныцзюня оказались настолько крепкими, что дышать стало нечем.

— Послушайте, уважаемый... — «Господин? Приятель? Любезный?» — Ваше высочество, пустите, кхе-кхе... Будьте так добры.

— Юань-эр, пообещай, что больше не бросишь меня. Пообещай! — Цюй Луныцзюнь наконец ослабил хватку.

Цин И устало вздохнул, вскинув брови:

— Ваше высочество, я не Е Юань. Думаю, вы и сами уже начали что-то подозревать.

— О чем ты говоришь? Совсем измотался за эти три дня... Опять бредишь. Давай-ка я помогу тебе лечь, отдохнешь немного, ладно?

С этими словами Цюй Луныцзюнь попытался увлечь его за собой к постели.

Цин И резко вырвался:

— Давай как взрослые люди. Раз уж так вышло, я скажу прямо, мне скрывать нечего. Я не Е Юань! И с головой у меня все в порядке, я не брежу.

— Юань-эр... Прекрати. Твои слова ранят меня.

— Блядь! — взорвался Цин И. — Какого хера тебе еще нужно, чтобы ты поверил? Я! Не! Е Юань!

Цюй Луныцзюнь скривился, словно проглотил муху. Смерив Цин И долгим, тяжелым взглядом, он негромко произнес:

— Мне доложили, что сегодня утром ты сидел в уличной лавке, ел дешевый соевый пудинг и заказал целую тарелку паровых баоцзы.

— Ну да. И что с того? Меня ни свет ни заря вышвырнули из дворца, я проголодался как собака!

— Юань-эр слишком брезглив и горд для этого. Как лекарь, он невероятно разборчив в еде. До странности, до абсурда... — Цюй Луныцзюнь впился взглядом в лицо собеседника, выискивая малейшую фальшь.

Вековая порода давала о себе знать: от принца веяло такой тяжелой властью, что Цин И невольно стушевался. Смутившись, он отвел взгляд и принялся растерянно оглядывать комнату.

— Что... что вы хотите этим сказать?

— Я хочу сказать...

Договорить принц не успел. Молниеносным движением он вцепился в воротник Цин И и с треском рванул ткань в стороны, обнажая бледную грудь.

— Эй! — опомнившись, Цин И ударил его по рукам, отпрянул назад и поспешно запахнул растерзанные одежды. — Ты, блядь, по мужикам, а мне в эти игры играть некогда!

— Сначала я подумал, что это маскировка. Что кто-то нацепил личину Юань-эра, чтобы проникнуть в мое поместье и шпионить, — заложив руки за спину, Цюй Луныцзюнь снова

превратился в надменного, грозного правителя, перед которым трепетали тысячи. Он медленно наступал, заставляя Цин И пятиться. — Но то, как ты себя ведешь... это слишком дико.

Цин И не боялся разоблачения. Подумаешь, казнят — он уже умирал однажды, чего еще бояться? И все же давящая аура принца лишала уверенности. Перед ним стоял сильный, опасный противник, против которого обычные уловки не сработают.

Цюй Луньцзюнь указал пальцем ему на грудь:

— Это тело принадлежит ему! Алая слива у него над сердцем — моя работа, я сам нанес этот рисунок. И я точно знаю: другого человека с такой меткой в подлунном мире нет. — Принц навис над ним, буравя ледяным взглядом. — Отвечай: кто ты? Где Юань-эр? Чей ты прихвостень?

Цин И смерил его косым взглядом и шумно выдохнул:

— Тело действительно принадлежит Е Юаню. Но вот душа в нем теперь другая.

Принц презрительно усмехнулся:

— И ты думаешь, я поверю в этот бред?

— Лучше поверь, потому что это чистая правда. Я сам без понятия, как очутился в твоём королевстве Цюй и почему застрял в этой шкуре. Мало мне было хлопот, так прежний хозяин еще и по парням сох!

— Ты смеешь оскорблять Юань-эра?!

— Ладно-ладно, беру свои слова назад. Знай я заранее, какие у вас тут были... шуры-муры, я бы в твоё поместье Лунчжао ни ногой не ступил.

— Где Юань-эр?

Цин И промолчал. Принц схватил его за плечи, требуя ответа:

— Неважно, верю я тебе или нет, ты точно знаешь, куда он делся. Говори! Где он?!

Цин И заглянул ему в глаза.

Если хочешь узнать, лжет ли человек, смотри на его зрачки. Умелые обманщики могут держать лицо и контролировать мимику, но зрачки скрыть невозможно — при лжи они

невольно расширяются.

Взгляд Цюй Луныцзюня оставался чистым и твердым. Он не лгал.

Цин И поджал губы и отвел взгляд. Помолчав немного, он тихо произнес:

— Я сомневаюсь, стоит ли тебе это знать. Правда станет для тебя самым изощренным, самым жестоким наказанием. Сколько бы тебе ни осталось жить, эта кара будет с тобой до последнего вздоха. Десятилетиями, день за днем, ночь за ночью тебя будет жрать собственная совесть. Ты познаешь истинный вкус невосполнимой потери. Пожалуй, избавить тебя от этой правды было бы высшим милосердием... Но решать не мне.

— А кому?

— Е Юаню. Только он имел право вынести тебе приговор.

— Так где он?! — взмолился принц, теряя самообладание. — Прошу, скажи! Обойду весь свет, обыщу каждый уголок подлунного мира, но найду его! И больше никогда, никогда не отпущу!

Цин И лишь горько усмехнулся:

— Почему ты не сказал ему этого раньше, когда он был здесь?

— Я...

— Если любишь — говори сразу. Завтра может просто не наступить. Или тот, кто тебе дорог, тебя больше не услышит.

— Я лишь хотел...

— Испугался? Струсил? Мешкал? Или тебе мешало что-то другое... например, трон?

— Нет... не так... точнее, не совсем так...

Цин И внимательно вглядывался в лицо принца, на котором одна за другой сменялись эмоции, и мысленно потянулся к образу Фэй Юй.

"Фэй Юй, прости, что смолчал тогда, — мысленно обратился он к образу девушки. — Я просто не мог рассказать тебе всего. Был не готов признаться в том, что произошло между мной и моим родным братом"

— Я не Е Юань, — ровно проговорил Цин И. — И на краю света его нет. Меня зовут Цин И. Я всего лишь занял эту оболочку, а душа прежнего хозяина сгинула без следа.

Цюй Луныцзюнь застыл, пытаясь осознать услышанное.

— Какая глупость... Хочешь сказать, ты вселился в тело Юань-эра? Вышвырнул его душу, и он исчез?

Цин И сглотнул:

— С оговорками — да. Только давай уточним детали: я не захватывал чужое гнездо силой. Е Юань сам освободил для меня эту оболочку.

— Что это значит?

— Не умри Е Юань, меня бы здесь не было.

— Мертв? — Цюй Луныцзюнь оцепенел. Он попятился, его пальцы судорожно коснулись век, губ, подбородка. — Ты говоришь, Юань-эр мертв? Кто это сделал?! Опять Цюй Ли?! Да, точно он! — Его лицо исказилось яростью, в глазах вспыхнул безумный, жаждущий крови огонь.

— Остынь! Да приди ты в себя! — Цин И схватил его за руки. — Никто его не убивал. Е Юань наложил на себя руки. И если тебе так хочется обвинить кого-то в его гибели, начни с себя!

Цюй Луныцзюнь, казалось, перестал дышать. Не отрывая взгляда от Цин И, он бессильно опустил на пол, увлекая его за собой за рукав. Кое-как вырвав одежду из онемевших пальцев принца, Цин И сверху вниз посмотрел на него:

— Именно ради тебя он выбрал этот путь в никуда.

Цин И думал, что Е Юань покончил с собой из-за предательства этого человека. Он еще не знал, что, когда вся правда всплывет наружу, его слова обретут совсем иной, зловещий смысл.

Человек на полу обхватил голову руками. Тот, кто еще минуту назад подавлял своей властью, в миг лишился жизненных сил, словно у него вырвали половину души. Бледный, с остановившимся взглядом и дрожащими губами, он едва слышно хрипел:

— Не верю... Не верю!

— А тебе придется, — холодно процедил Цин И, глядя на него сверху вниз.

— Сам... Но почему? Зачем?.. Господи, за что? — Цюй Луныцзюнь метался в лихорадочных вопросах, на которые ему уже никто и никогда не ответит.

— Я пошел. — Цин И обошел распростертого принца и направился к выходу.

— Не уходи! — Цюй Луныцзюнь рванулся следом, мертвой хваткой вцепился в его ногу, а затем обнял, утыкаясь лицом в подол. — Умоляю, не уходи... Прости меня, прости...

— Дапусти ты! Какой толк от твоих извинений передо мной?! — Цин И тщетно пытался разомкнуть его пальцы. — Пока было золото в руках — не ценил, а потерявши — плачешь! Так тебе и надо, мучайся теперь, жалости от меня не дождешься!

Слова сорвались с губ, оставив во рту горький привкус. Ведь он кричал это самому себе. Себе — такому же трусу, спасовавшему перед собственным счастьем.

— Какого хера ты тянул?! Если любил ее — надо было сказать прямо! А ты, придурок, часами торчал у ее подъезда и ждал чуда! Трус несчастный! Теперь любуйся на результат: занесло черт знает куда, в глушь, где даже нормального туалета нет! За что мне все это дерьмо?!

Цюй Луныцзюнь вцепился в него намертво, зарывшись лицом в плечо. Цин И брыкался, осыпая проклятиями и принца, и себя самого, пока они оба, вконец измотанные, не повалились обратно на пол. Дыхание сбилось, силы иссякли. Принц не проронил ни слова — просто лип к нему, как банный лист.

Выговорившись, Цин И почувствовал, как к горлу подкатывает комок. Все, конец. Дороги назад нет. Прошрое рассыпалось в пыль, превратившись в бесплотные воспоминания. Люди, которых он любил больше жизни, теперь недосыгаемы. Он никогда их больше не увидит.

— За какие грехи мне это?! Я ведь никого не ограбил, не убил! Ну, наступил пару раз на муравья, прихлопнул таракана... Какого хрена мир так несправедлив? Если уж мне суждено было выиграть в эту гребаную лотерею с перерождением, почему нельзя было просто подогнать джекпот в нормальной жизни?! Дерьмо собачье!

Он сидел прямо на холодном полу и крыл все на свете последними словами, выплескивая накопившуюся за эти три дня невыносимую боль и страх.

Принц, чьи глаза покраснели от сдерживаемых слез, долго слушал эту дикуую, непонятную брань. Наконец он отстранился и уставился на бушующего пришельца.

Цин И, не обращая на него внимания, иссяк только тогда, когда в горле окончательно пересохло. Повернув голову, он наткнулся на его заплаканный взгляд.

— Ладно, приятель. В этом мире у каждого свое горе, не ты один страдаешь. Реальность —

сука: принимай ее или нет, беги от нее, но в итоге она все равно тебя настигнет.

— Юань-эр... оставил мне хоть какое-то послание?

— Откуда мне знать? Я очнулся в пустой голове, у меня нет ни единой его мысли.

— Откуда ты явился?

— Из очень далеких краев.

— Насколько далеких?

— Настолько, — Цин И горько усмехнулся, — что целой жизни не хватит, чтобы вернуться.

— Вот как... Юань-эр теперь там?

— Без понятия. Но если он попал туда, ему сейчас не сладко — привыкать замучается. Хотя у нас там куда лучше, чем в вашей глухомани. Небоскребы до облаков стоят! В Шэньчжэне, например, есть башня Диван — восемьдесят восемь этажей вверх! — У Цюй Луныцзюня от удивления округлились глаза. — По дорогам носятся блестящие стальные повозки, над землей раскинулись огромные многоуровневые развязки. Магазины ломятся от диковинок, а женщины... Какие там красотки! Тебе и не снилось. Летом девчонки ходят как на конкурсе красоты — в коротеньких юбках, сверкают стройными ножками, декольте такое, что из маечек все наружу просится. На любой вкус: в кофейнях сидят строгие леди, в барах зажигают роковые соблазнительницы, на кортах тренируются спортивные девахи, а в парках гуляют милые студентки...

Цин И мечтательно прикрыл глаза, погружившись в сладкие грезы, но, заметив на лице принца крайнее недоумение, осекся:

— Ах да, чуть не забыл. Ты же по мальчикам.

— О чем ты?

— У нас это называют геями. Мужчины любят мужчин, женщины — женщин. В моем мире этим никого не удивишь. Но я нормальный! Только по девушкам.

— Значит, тебе милы женщины?

— Естественно. Хотя умные люди говорят, что предрасположенность к своему полу — штука врожденная. И вообще, в душе каждого мужчины скрыта своя «Горбатая гора».

— Что это за гора?

— Кино такое. Про любовь двух парней.

— Кино?.. — принц растерянно покачал головой.

— Ай, забудь, только запутаемся. Все равно не увидишь. А мне от этих разговоров только душу травить.

— Почему?

— Потому что назад дороги нет. Придется обживаться здесь. Готовлюсь к худшему: похоже, остаток дней мне суждено провести в шкуре твоего лекаря.

— И Юань-эр тоже не вернется?

— Тут я тебе не помощник. Прости.

— Что думаешь делать дальше?

— Да пока ничего конкретного. Навыков местных у меня нет, на кусок хлеба заработать нечем. Но, как говорится, надейся на лучшее, готовься к худшему.

Цин И беззаботно пожал плечами и улыбнулся.

Цюй Луныцзюнь невольно протянул руку и коснулся пальцами уголка его губ.

— Юань-эр никогда так не улыбался...

— Знаю. Мань Юэ — тот еще болтун, успел просветить. Твой Е Юань слишком много о себе мнил. Если постоянно оглядываться на чужое мнение, жизни не хватит. Оно того не стоит.

— Ты совсем на него не похож.

— Еще бы. Он — это он, я — это я. В детстве я улыбался постоянно. Даже когда меня колотили, слезинки не проливал. Брат научил. Он говорил: пока ты можешь смеяться в лицо трудностям, у тебя есть мужество. А мужество — это часть души.

При упоминании Цин Хао на сердце у Цин И навалилась тяжесть. «Как он там теперь без меня?»

Знай он, какую цену заплатил Цин Хао за его спасение, одной лишь грустью дело бы не обошлось.

— У тебя красивая улыбка.

— Это Е Юань смазливый. Только хилый больно — девка девкой, даже врезать никому сил не хватит.

— Он почти ничего не ел.

— А я всеяден. Надеюсь, за годик наберу массу и исправлю это недоразумение.

— Год... Ты собираешься уйти?

— Мань Юэ обмолвился, что у Е Юаня осталась лечебница в Пиньяне. Начну, пожалуй, оттуда.

— Может, останешься? — в глазах принца мелькнула робкая, почти детская надежда.

— И что, ты будешь меня содержать? — Цин И усмехнулся и, заметив, что принц готов согласиться, поспешил добавить: — Ладно, шучу. То, что я тощий — полбеды, но пригреться альфонсом на чужих хлебах мне гордость не позволит.

— Альфонсом?

— Содержанцем. Неважно, баба тебя кормит или мужик. У нас таких называют альфонсами, и для нормального мужика это худшее оскорбление.

— Поживи здесь хотя бы немного. Если ты уйдешь прямо сейчас, я себе этого не прощу.

— Не вижу причин задерживаться.

— Сделай это ради меня.

— Ради тебя? Дружище, мы знакомы от силы час.

— Тогда ради Е Юаня.

— А ему-то какая разница? Его кости уже остыли.

— У тебя все равно нет плана. Если не хочешь жить нахлебником, тебе нужно обучиться какому-то ремеслу. Побудь в поместье, осмотришься, обдумай будущее. Ну же, соглашайся.

Цин И задумчиво прищурился:

— А у тебя талант переговорщика.

— Значит, согласен?

— Давай договоримся: один месяц. Как только встану на ноги, верну долг за постой до последнего медного гроша.

— Вернешься в Павильон Чистого Душистого Трутника?

— По рукам. Но у меня есть одно жесткое условие.

— Говори. Выполню любое твоё требование.

Цин И посерьезнел и твердо посмотрел принцу в глаза:

— Забудь, что я выгляжу как Е Юань. Не пытайся увидеть его во мне, иначе я исчезну в тот же миг. Я не игрушка для утешения и не живой памятник. Если решишь тешить себя иллюзиями, так и останешься у разбитого корыта.

Цюй Луныцзюнь молча смотрел на него. Его взгляд, полный невыразимой тоски и смятения, остался без ответа.

<http://bllate.org/book/20580/2130873>